

Греческія, а у другихъ Еврейскія. У крыльца подворья привѣтствовалъ насъ достопочтенный іеромонахъ о. Мелетій, какъ старецъ, который уже не зреть на лица людскія, потому что чаеть скорого вселенія въ ликахъ Ангельскихъ. Голова его скривлена къ правому плечу послѣ паденія съ верблюда. Въ правомъ глазѣ его, черномъ какъ уголь, (лѣвый лопнулъ отъ болѣзни) выразались умъ, благость и спокойствіе души.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ РАНОѢ.

По желанію моему о. Мелетій провелъ насъ въ церковь св. Георгія, построенную на дворѣ монастырскаго приюта. Приложившись къ святымъ образамъ и къ престолу, я внимательно осмотрѣлъ сіе малое святилище. Оно весьма бѣдно, но чисто. Антиминсъ освященъ Антоніемъ епископомъ Коломенскимъ въ 1713 году. Очевидно, его вывезъ изъ Москвы какой — нибудь Синайскій монахъ, собиравшій тамъ добротныя подаванія. Иконостасъ въ церквѣ сооруженъ изъ простаго дерева. Работа его не художна; но занимательны рѣзныя украшенія на немъ. Въ нижнемъ ярусѣ, подъ мѣстными иконами, нарѣзаны большіе пауки морскіе, такъ называемыя каракаптицы, а въ верхнемъ — разныя рыбки, подъ крестомъ же, водруженнымъ на иконостасѣ, змѣйки. Все это сработалъ отецъ нашего Ханны, скон-

чавшійся отъ угрызенія змѣи, назадъ тому лѣтъ двадцать. Богослужебныя книги на Арабскомъ языкѣ всѣ рукописныя. — Райская церковь бѣдна внутри, убога и снаружи (*). Она, въ видѣ дома съ плоскою крышею, складена изъ морскихъ окаменѣлыхъ растѣній и раковинъ, пополамъ съ камнями. Свѣтъ проходитъ въ нее чрезъ три малыя окна, помѣщенныя въ верхней части сѣверной стѣны.

Напротивъ сей церкви стоитъ хижина о. Мелетія на двухъ приземистыхъ каменныхъ столбахъ. Мы зашли къ нему, и посидѣвъ не долго, перемѣстились въ сосѣдній домъ, построенный на самомъ берегу моря. Тутъ намъ было просторнѣе и веселѣе. Скоро пожаловалъ къ намъ пастырь Райянь и пробылъ у насъ до обѣда.

Поелику отъ маститыхъ старцовъ, какъ хранителей старинныхъ преданій и всего, что они видали, слышали и дѣлали сами, можно узнать многое полезное, или занимательное; то я приступилъ къ о. Мелетію съ распросами о разныхъ предметахъ. Наша бесѣда подобилась плетенію вервѣи изъ различныхъ нитей.

— Малъ вашъ городъ, — заговорилъ я, — но

(*) Смотри видѣ ея на листѣ 60.

древенъ и извѣстенъ въ исторіи Церкви со времени избіенія Райскихъ отцовъ.

— Старецъ молвилъ: древнѣе его долженъ быть тотъ, котораго развалины находятся на берегу моря въ двухъ часахъ ходьбы отсюда, южнѣе.

— Какъ онъ называется?

— Райя?

— Были вы тамъ?

— Былъ, и судя по уцѣлѣвшимъ основаніямъ зданій полагаю, что тамъ была крѣпость у. заводи, которая такъ глубока, что суда могутъ становиться почти у самаго берега. Тамъ есть колодезь съ сладкою водою. Ею понынѣ снабжаются корабли.

— Почему же вы думаете, что Райя древнѣе Райи?

— Должно быть такъ. Ибо у тамошней удобной заводи и у прѣсной воды торговые люди въ началѣ могли поселиться охотнѣе, чѣмъ здѣсь, гдѣ нѣтъ пристани близко, а до хорошей воды далеко.

— Однако и здѣсь возникло же поселеніе, не смотря на эти неудобства!

— Возникло, но позднѣе; и я объясню это вотъ какъ. Поелику къ Райѣ весьма близко подходили суда и поелику морскіе разбойники, или непріатели какіе раззорили ее; то жители, не желая боги подвергаться опасностямъ, поселились у здѣшняго мелководнаго берега, дабы въ случаѣ появленія врага вдали можно было имъ спастись въ горахъ. Самое названіе Райа, вѣроятно, произошло отъ Райи. Но когда случилась такая перемѣна; не знаю.

— Не должно ли думать, что оба эти селенія

возникли въ одно и тоже время, и что Райя была только пристанію Раиѣ, какъ Маюмъ былъ пристанію Газы?

— Не думаю. Ибо отсюда до Райи далеко. А гдѣ видано, чтобы торговая пристань находилась вдали отъ своего города? И почему бы Раиѣне захотѣли становить свои суда и принимать чужія въ такомъ мѣстѣ, которое отстоитъ отсюда на два часа ходьбы, тогда какъ здѣсь ближе есть другая удобная пристань, вотъ, у той песчаной косы, которую вы видите изъ оконъ?

— Я не зналъ о существованіи этой пристани. Указавъ ее, вы подали мнѣ поводъ къ болѣе вѣрнымъ соображеніямъ. Теперь я думаю, что Райя и Раиѣа, съ самаго начала построенія ихъ были отдѣльными городками. Туда привлекла отважныхъ торговцовъ хорошая пристань и сладкая вода вблизи моря, а сюда приманила расчетливыхъ купцовъ такая же пристань—тѣмъ болѣе, что мелководный берегъ защищалъ ихъ отъ печальныхъ нападений съ моря; здѣшніе же сѣрные ключи въ финиковой рощѣ могли доставлять имъ доходъ отъ больныхъ, которые, вѣроятно, пользовались ими въ старыя времена, какъ пользуются нынѣ. Что касается прѣсной воды; то маленькое удаленіе ея отъ здѣшняго берега препятствовало непріятелю долго держаться здѣсь, а для жителей Раиѣы не могло быть тягостно.

Ничего опредѣленнаго не могу сказать вамъ о происхожденіи Райи, о которой въ первый разъ слышу: о Раиѣ же думаю, что она основана была Финикіянами въ незапамятныя времена, и возобновлена въ царствованіе Соломона; который вмѣстѣ съ Тирскимъ государемъ Хирамомъ учредилъ торговый флотъ въ восточномъ заливѣ здѣшняго моря и посылалъ его въ Офиръ.

— Докажите ваше мнѣніе.

— Здѣшнее селеніе имѣетъ два названія, Туръ и Раиѣа. Оба звучатъ по Финикійски. Первое напоминаетъ Тиръ; второе изъясняется подобными названіями Финикійскихъ городовъ и мѣстностей, и изъ Финикійскаго языка. Нынѣшняя Лаодикія въ Сиріи древле принадлежала Финикіянамъ и называлась Рамаѣа. У береговъ Ливіи былъ островъ, который по Финикійски именовался Самаѣа. Слышите, какъ оканчиваются эти названія,—звукомъ ѣа. Тотъ же звукъ слышится и въ имени, Раиѣа. Стало быть это имя—Финикійское. Для большей несомненности припоминаю и то, что Финикіяне, по древнѣйшему преданію Персовъ и Грековъ, перешли въ Сирію съ береговъ Чермнаго моря за 2200 лѣтъ слишкомъ до рождества Христова, и что ихъ страна, начиная отъ

Акки до Лаодикія и далѣе, называлась *Рабаѳа*, что значитъ, *великая* или *пространная*. Это названіе они приложили и къ здѣшной обширной равнинѣ, и по ней именовали здѣшнее селеніе свое, Рабаѳа. Изъ сего же имени, по мягкому выговору Грековъ, образовалась, Раѳѳа. Итакъ названіе здѣшняго городка заставляетъ думать, что онъ основанъ былъ Финикіянами. Тоже должно думать и о Райѣ. Ибо и это названіе звучитъ по Финикійски. По моему мнѣнію, оно передѣлано изъ Рабы. Вотъ тому доказательство. На противоположномъ берегу здѣшняго залива, между монастыремъ св. Антонія и Суэсомъ, находятся развалины, кои донинѣ, по выговору Коптовъ, называются Рабе. Тамъ,—по сказанію Александрійскаго патріарха Евтихія,—Иустиніанъ построилъ монастырь. Рабе въ хронографѣ сего патріарха пишется такъ, что ученые Арабы произносятъ это слово, то Райбе, то Райе. Это же самое мѣсто въ старинныхъ спискахъ Коптскихъ епархій значитъ подъ именемъ Райи. (Оно состояло въ вѣдомствѣ епископа Кольсумскаго). Если же Африканскую Рабу умягченно произносили, Райя; то и Синайскую выговаривали такъ же. А ежели Райя есть то же, что Раба; то сіе назва-

ніе обнаруживаетъ Финикійское происхожденіе соеѣдки здѣшняго селенія.

— Любопытны ваши толкованія; сказалъ о. Мелетій.

Я устремилъ взоръ свой къ песчаной косѣ, у которой находится Раѳѳская пристань, и спросилъ собесѣдника:

— Какъ глубоко море у здѣшней пристани?

— Около пяти сажень.

— Что за-домикъ стоитъ тамъ?

— Кофейня. Въ ней забавляются мореходцы и наши.

— Близъ вашего селенія находятся остатки крѣпости. Не знаете ли вы, кѣмъ она построена и разрушена была?

— Ее строилъ Султанъ Селимъ, покоритель Египта, а разрушило время, послѣ того какъ Турки покинули ее.

— Съ дороги я видѣлъ какія-то развалины по правую сторону Раѳѳы. Что такое было тамъ?

— Арабская деревня, въ которой жили Бени-Сулейманъ. Это племя нынѣ ослабѣло, потому что многие умерли отъ послѣдней чумы, другіе переселились въ Гжасъ, откуда требуютъ наслѣдія своихъ отцовъ и дѣдовъ, остальные же покинули деревню, и перекочевывая въ сосѣднихъ мѣстахъ, занимаются рыболовствомъ. Они доставляютъ въ нашъ монастырь соленую и жареную рыбу, и за нее получаютъ ежегодно около трехъ тысячъ піастровъ. Когда пріѣзжаютъ сюда поклонники; Бени-Сулейманъ берутъ часть платы съ проводниковъ ихъ, или подставляютъ имъ своихъ верблюдовъ.

— Правда ли, что они почитают Соломона наравнѣ съ Магометомъ?

— Не знаю. Не слыхалъ.

— А гдѣ здѣсь показываютъ руку Моисея, отпечатлѣнную въ скалѣ?

— Не слыхалъ и этого, и по преданію знаю только то, что здѣсь находился Элимъ, въ которомъ, по свидѣтельству св. Писанія, Израильтяне нашли двѣнадцать источниковъ и семьдесятъ стелеховъ финиковыхъ. Впрочемъ нынѣ существуютъ только шесть источниковъ, да и въ тѣхъ вода весьма горька; финиковъ же въ монастырскомъ саду считается десять тысячъ. Такъ они умножились послѣ Моисея!

— Не можетъ быть, чтобы здѣсь находился Элимъ. Ибо въ священномъ Писаніи ясно сказано, что Израильтяне съ этого мѣста пошли къ морю. Поелику же Раиѳа и садъ монастырскій находятся у самаго моря; посему никакъ нельзя признать ихъ за Элимъ.

— Такъ гласитъ преданіе.

— Правда, это преданіе весьма древне; ибо его выразилъ еще Козма Индоплаватель, который былъ здѣсь около 540-го года по Рождествѣ Христовѣ. Но оно не согласно съ св. Писаніемъ.

— Гдѣ же, по вашему, находился Элимъ?

— Въ долинахъ, Гарендель, Усейтъ, Тайбе и Насбъ, гдѣ, какъ вы знаете, много порядочной

воды и финиковъ. Оттуда Евреи сошли къ морю и расположили станъ свой въ пустынѣ Сінъ. Чтоже касается здѣшняго мѣста; то оно есть та Рафака, по которой народъ Божій прошелъ къ Синайской горѣ (*). Ибо вся здѣшняя пустыня по нынѣ называется Каа. А въ этомъ названіи слышится Библейская Рафа-ка (**).

— И такъ все-таки былъ здѣсь Моисей съ народомъ своимъ,

— Несомнѣнно.

— Наша Раиѳа-священное мѣсто!

— Ваша Раиѳа-любимица Христова. Шестнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Господь избралъ ее невѣстою Своею; и она въ теченіи всего этого времени пребыла вѣрною Ему.

— На ней сбылись слова Апостола: «сила Божія въ немощи совершается.»

— Здѣсь были первые мученики и отшельники. Но извѣстно ли мѣсто ихъ подвиговъ?

— Извѣстно. На сѣверозападъ отсюда, въ разстояніи трехъ съ половиною часовъ ходьбы, у самаго моря стоитъ гора, Хемамъ. Въ ней находится нѣсколько пещеръ. Всѣ онѣ оштукатурены; и въ одной изъ нихъ устроена была церквца. Въ сихъ-то пещерахъ спасались древніе отшельники. Отъ сего мѣста считается

(*) Числ. 33, 10—13. По Еврейски Дафака.

(**) т. е. Раиѳа Каайская. Ибо существовала другая Раиѳа съ окончаніемъ ма, Раама (Числ. 33, 18).

полтора часа ходьбы до гремучей возвышенности Хемамскаго хребта, называемой Нагусъ. Желаете вы побывать тамъ?

— Сколь ни приятно видѣть пещерныя жилища первыхъ Христіанскихъ подвижниковъ, и сколь ни любопытно побывать на Нагусѣ и изслѣдовать, отъ чего тамъ слышатся какіе-то звуки; но къ сожалѣнію краткость времени не позволяетъ мнѣ предпринять эту поѣздку. До Нагуса вы насчитали пять часовъ ѣзды. Пять туда и пять назадъ, далеко! Въ одинъ день нельзя вернуться сюда.

— Проведите тамъ ночь.

— Не рѣшаюсь потерять два дня, не зная: будетъ ли удовлетворено мое любопытство.

— Я былъ тамъ дважды, одинъ разъ съ поклонниками и въ другой съ о. Калистратомъ, нынѣшнимъ митрополитомъ Ливійскимъ.

— И вы слышали тамъ звуки!

— Слышали.

— Что же такое? шумъ? свистъ? гулъ? стукъ? громъ?

— Слышали только: гу! гу! гу!

— Откуда выходятъ такіе звуки, и отъ чего?

— Это явленіе естественно. Гора Нагусъ стоитъ у самаго моря. Она покатица; и весь скатъ ея покрытъ крупнымъ пескомъ. Когда онъ осыпается отъ вѣтра, или подѣ ногами человѣка; тогда слышится: гу, гу, гу! При безвѣтріи же, или безъ ходьбы по-

песку, ничего не слышать. Я съ о. Калистратомъ парочко ходилъ туда и провелъ тамъ ночь. Тогда не было вѣтру; и мы сколько ни сидѣли у подошвы горы, не слышали ни звука, ни стуку. Когда же всходили на нее и спускались съ ней; тогда песокъ, осыпаясь подъ нами, издавалъ гулъ. Очевидно, онъ по свойству своему гремучъ, и сотрясаясь при паденіи, стучить и звучить. Одинъ путешественникъ, не помню, Французъ, или Англичанинъ, увѣрялъ меня, что такой гремучій песокъ находится и въ другихъ странахъ.

— Вы объяснили мнѣ загадочное явленіе въ Нагусѣ такъ хорошо, что я теперь не считаю нужнымъ ѣхать туда. (*)

— Свои уши лучше слышать, и свой умъ вѣрнѣе судить.

— Я довѣряю и чужимъ, и особенно, когда дорожю временемъ, чтобы узнать то, что ближе къ сердцу моему, имянно, быть христіанъ, обитающихъ въ разныхъ краяхъ. Повѣдайте мнѣ состояніе вашей паствы, при которой, какъ я слышалъ, вы находитесь уже давно.

— Тридцать шесть лѣтъ минули съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ сюда по благословенію Архіепископа и монастыря. Всѣ здѣшніе христіане мои духовные дѣти. Я ихъ крестилъ и вѣнчалъ.

— Какъ велико число ихъ?

— До 1829 года всѣхъ было около 500 душъ; но послѣ тогдаш-

(*) Въ послѣдствіи я слышалъ отъ домочадца своего Ханны, что въ разстояніи получаса ходьбы отъ Нагуса есть мѣсто, называемое Шифъ, и что тутъ на одномъ камнѣ написано все, что можно знать о Ранѣѣ.

ней чумы осталось не болѣе десяти семей, или семидесяти пяти лицъ.

— Есть ли между ними мусульмане?

— Ни одного. Здѣсь живутъ только православные. Они весьма бѣдны, потому что нѣтъ никакой торговли.

— Чѣмъ же они содержатся?

— Монастырь даетъ имъ пшеницу; да сами они иногда продаютъ воду, плоды и овощи мореходцамъ.

— Гдѣ они берутъ себѣ невѣсть?

— По причинѣ малочисленности, бѣдности и отдаленности ихъ отъ Египта, гдѣ есть православные, Архіепископъ разрѣшилъ имъ брачиться между собою въ пятой степени родства. А я для точнаго опредѣленія законности браковъ записываю въ книгѣ: кто когда родился и крещенъ, и съ кѣмъ вступилъ въ честный бракъ о Господѣ.

— Ни гдѣ въ Турціи священники не ведутъ подобныхъ записей. Вы одни это дѣлаете.

— По необходимости.

— Безопасно ли вамъ жить здѣсь?

— Благодареніе Богу! Мы живемъ здѣсь спокойно. Бедуины не только не тревожатъ насъ, но частенько совѣтуются съ нами о дѣлахъ своихъ. Однако была у насъ одна тяжкая година. Когда покойный Мегметъ Али паша смирялъ Вехабитовъ, разграбившихъ сокровища Мекки; тогда солдаты его, заѣзжавшіе въ нашъ городъ, дѣлали намъ разныя пакости, такъ что всѣ мы приужены были скрывать въ садахъ. Я взялъ съ собою всю ризницу, утварь, св. иконы и книги, и перенесъ ихъ въ другую церковь, устроенную въ саду за часъ ходьбы отсюда. А здѣсь враги имени Христова испровергли св. трапезу и, не къ вамъ рѣчь, осквернили ее.

Подали обѣдъ. Поваръ наварилъ и нажарилъ намъ свѣжей морской рыбы разнаго рода. Вкусную уху расклебали мы въ Раиоѣ!

Послѣ обѣда я отдохнулъ немного, а вечеромъ, выкупавшись въ морѣ, ходилъ смотрѣть развалины сосѣдней крѣпости. Она поставлена на самомъ берегу моря, которое тутъ весьма мелко, построена же изъ тесанныхъ камней поздраватыхъ въ видѣ равнаго четверугольника съ двумя воротами на сѣверной и южной сторонѣ. Стѣны ея толсты и приземисты. На всѣхъ углахъ сооружены круглыя башни. Въ стѣнѣ, обращенной къ морю, есть низкіе прозоры для стрѣлянія изъ пушекъ. Дворъ пустъ и заметанъ пескомъ.

Меня сопровождалъ Грекъ, обыватель и торговецъ Раиоы. Онъ указалъ мнѣ на берегъ Африканскомъ горю Зейтъ и повѣдалъ, что около нея въ ямахъ добываютъ самородное масло, въ родѣ нефти, которое горитъ ярко, но издаетъ весьма непріятный запахъ.

Море было тихо и прозрачно, какъ зеркало. Любуясь имъ я думалъ, что оно названо краснымъ въ древнѣйшія времена по имени первобытнаго Семитическаго племени Хомаритовъ, населявшаго восточныя берега его. Хомаръ, или Ах-

маръ, значить красный. Это племя такъ называлось въ отличіе отъ черныхъ сосѣдей его, Негровъ и Абиссинцевъ. Греки въ своемъ языкѣ приискали соотвѣтствующее сему названію слово *Ериоросъ* (красный) и именовали Хомаритовъ Ериореями, а море ихъ Ериорейскимъ. По подражанію имъ Латины по своему назвали это море *Рубрумъ маре*, а Славяне — Чернымъ. Въ подтвержденіе такого мнѣнія своего я припоминалъ, что многія моря носили названія народовъ, владѣвшихъ ими. Балтійское отъ Варяговъ именовалось *Варяжскимъ*, Черное отъ Руссовъ *Русскимъ*; другія моря получили прозванія свои отъ *Ионійцевъ*, *Тирреновъ*, *Хвалисовъ*. Любопытство и охота спрашивать вездѣ туземцовъ объ ихъ краѣ и слушать народные рассказы и мѣстные повѣрья понудили меня спросить проводника: почему здѣшнее море называется краснымъ. Онъ, не запинаясь, отвѣчалъ мнѣ: «я нѣсколько разъ плавалъ отсюда до *Джидды* и *Коссѣира* и замѣтилъ, что въ этомъ морѣ находится безчисленное множество красныхъ окаменѣлостей съ цвѣтами, похожими на гвоздику. Отъ нихъ оно кажется червенымъ.» По словамъ его, эти подводные камни имѣютъ разную величину; есть между ними весь-

ма большіе и широкіе; червленый же отливъ отъ нихъ видѣнъ лучше днемъ, нежели ночью.— Мнѣ полюбилось замѣчаніе *Раиоскаго* мореходца. Однако внутренно я не убѣждался имъ. Думалось, что Красное море такъ названо отъ первобытныхъ жителей при немъ, которыхъ цвѣтъ лица былъ алый и рыжій.

Солнце закатилось за *Африканскую* гору *Сафранъ*. Весь западный небосклонъ заблесталъ, какъ растопленное золото. Когда этотъ яркій блескъ началъ тускнеть и сквозь него стала просвѣчивать синева неба, испещренная радужными отливами вечерняго свѣта; я побрелъ въ *Раиоу* и дорогой любовался цѣпью величественныхъ горъ *Синайскихъ*. Въ передней дали многокупольный и кудрявый *Зербаль* въ синеватомъ сумракѣ, и не много южнѣ его, но на той же линіи, толстолобая гора *Умъ-Шомаръ*, и между ними разнovidныя вершины прочихъ высотъ, однѣ другихъ выше и ниже, чаровали мое воображеніе.

Раиоа, въ которой нынѣ находится не болѣе двѣнадцати домовъ, кое-какъ построенныхъ изъ морскихъ окаменѣлостей, стоитъ на самомъ берегу моря (*). Волны омываютъ ея узенькую набереж-

(*) Смотри видъ ея на листѣ 59.

ную, похожую на завалину Малороссійской хаты. Къ ней не могутъ причаливать не только большія лодки, но и рыбацьи челны, по причинѣ мелководья и каменистости дна морскаго. Съ сѣверной стороны Раиѣы отъ берега тянется въ море длинная, песчаная коса. На концѣ ея у пристани стоитъ избушка, въ которой иногда моряки распиваютъ душистый кофе. Внутри селенія нѣтъ ни торговыхъ лавокъ, ни складочныхъ клѣтей, и не замѣтно никакого движенія людскаго. Сѣринь-кая Раиѣа — некрасива и ничтожна; но обстановка ея великолѣпна. Предъ нею волнуется чермная пучина и высятся благообразныя горы Африки. За нею зеленѣютъ финиковыя рощи и сады. Въ дали же къ небесамъ возвышаются величественныя горы Синайскія.

3. Понедѣльникъ.

По восходѣ солнца я съ дружиною моею отправился въ финиковый садъ Синайскаго монастыря, чтобы посмотрѣть въ немъ такъ называемую баню Моусееву, Хамамъ Муса. Прохладный вѣтеръ съ сѣверозапада дулъ намъ въ лица. Трудно было идти по глинистой дорогѣ, потому что вода ночью просочилась на поверхность ея и

сдѣлала ее грязною. Мнѣ и о. Теофану подали осленковъ, а студенты и переводчикъ шли пѣшкомъ и ради липкой грязи босикомъ. Появленіе тутъ мокроты въ Іюль, безъ дождя и росы, мы объясняли, кто подземельнымъ притокомъ ручьевъ отъ Синайскихъ горъ, кто сокровенными подъ дорогою водами морскими. Скоро показался намъ впереди монастырскій финиконъ у подошвы не высокой приморской горы; но не скоро мы достигли до него. Онъ обширенъ и весь обнесень каменною стѣною. На углу его, зрящемъ къ Раиѣѣ, построена высокая, четверугольная башня для жилья рабочихъ. Подѣхавъ къ ней, мы подъ прямымъ угломъ повертели къ сосѣдней горѣ, которой бѣловатый цвѣтъ рѣзко обозначался при яркой зелени пальмъ, и продолжая путь вдоль ограды, наконецъ обогнули другой уголъ и прибыли къ цѣлительной банѣ Моусея.—Чтожъ это такое снаружи?—каменная избушка, накрытая хворостомъ. Мы вошли въ нее и увидѣли небольшой, круглый ѣмъ, наполненный сѣрною водою, чистою и прозрачною, какъ стекло, которая втекала и вытекала незамѣтно. Намъ пришла охота омыться въ ней. Мы раздѣлись и всѣ вмѣстѣ погрузились въ проточный ключъ. Вода въ немъ, по груди, была

чуть-чуть тепла и издавала слабый сѣрный запахъ. Оказалось, что она втекаетъ въ ёмъ чрезъ скважину въ природной скалѣ, а выходитъ чрезъ искусственный каналъ потаенный. У этого втока надъ самою поверхностію ея переводчикъ нашъ замѣтилъ на скалѣ пять язвинъ, какъ бы пять растопыренныхъ пальцевъ ручной кисти, и обратилъ на нихъ мое вниманіе. Я припомнилъ, что назадъ тому лѣтъ двѣсти путешественнику Монкони выдавали эти язвины за отпечатокъ длани Моисея. Надобно быть слѣпымъ, чтобы вѣрить такой диковинѣ. Еслибы въ самомъ дѣлѣ Моисей сдѣлалъ это знаменіе; то судя по величинѣ отпечатка надлежало бы думать, что вождь Израильтянъ былъ исполинъ громадный.—Мы купались въ теплицѣ довольно долго и когда вышли изъ ней, замѣтили, что вода ея тремя ручьями течетъ въ монастырскій садъ. Сопутствовавшіе намъ Раиёяне говорили, что эту теплицу посѣщаютъ больные мусульмане изъ Египта и получаютъ исцѣленія, и что они дѣтей своихъ бросаютъ въ воду чрезъ верхнее отверстіе, прикрытое хворостомъ. Смѣлое суевѣріе!

Въ садъ монастырскій мы не заходили, потому что спѣшили къ развалинамъ монастыря Ю-

анна Предтечи, и только сквозь ворота посмотрѣли въ финиковую чашу, орошаемую сѣрными водами. Близъ сада христіане показали намъ прочіе родники, вытекающіе изъ-подъ горы, выдавая ихъ за Элимскіе. Они меньше Моисеевой теплицы; но вода въ нихъ того же качества. Всѣхъ ихъ тутъ шесть. Въ Элимѣ же было двѣнадцать источниковъ. Послѣ этого судите о достоинствѣ преданія. Оно такъ же не вѣрно, какъ и приложеніе имени Моисея къ главной теплицѣ. На какомъ основаніи сдѣлано это приложеніе? Въ св. Исторіи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что вождь Израильтянъ устроилъ баню около Раиёи. Поелику названіе ея—Египетское, а не Арабское, и поелику Египетское рѣченіе, Моисѣсъ, переименованное въ Муса, означаетъ собственно воду текущую, или искусственно добытую, и случайно дано было роднику, какъ имя—младенцу Амрама и Иохаведы; то и перемѣшали вещь съ именемъ и подъ названіемъ, Хаммамъ Муса, стали разумѣть баню Моисея, тогда какъ надлежало разумѣть просто *теплыя воды*.

Отъ сѣрныхъ ключей мы шли сперва вдоль горы, потомъ обогнувъ ея уголь, обращенный къ Раиёю, направили шаги свои немного восточнѣе

къ развалинамъ Предтеченской обители. На пути къ ней, близъ одного сада, подбѣжалъ къ намъ мальчикъ и пригласилъ насъ посмотрѣть на живую Дѣбу, только-что пойманную Арабами. Мы подошли къ нимъ и увидѣли это Синайское животное. Дѣба была молодая, ростомъ съ большую собаку. Лице ея похоже на кошечье. На хребтѣ торчали длинные волосы, какъ щетина, а на ногахъ лоснились пестрыя пятна. Цвѣтъ кожи у ней дымчатый. Вообще, сіе лютное животное весьма отвратительно. Наши ослы какъ только увидѣли этого смертельнаго врага своего, заревѣли, что есть мочи. Арабы подвели къ нимъ Дѣбу, у которой рыло опутано было веревкою; и длинноухіе начали храбриться и съ ревомъ лягать ее задними ногами, но отъ страха не попадали въ нее: а она въ ярости шипѣла, какъ лютая змѣя, источая пѣну. Нѣсколько минутъ мы забавлялись этимъ зрѣлищемъ. Оказалось, что ослы очень храбры, когда ихъ непріатели связаны путами.

Прибывъ на мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ благолѣпный монастырь Предтечи, созданный царемъ Густиніаномъ 1-мъ въ одно время съ Синайскою обителію, мы не нашли ни храма, ни келій, ни ограды, и едва ощупали основанія его, заметан-

ныя желтымъ пескомъ. По нимъ видно, что монастырь былъ четверуголенъ и невеликъ. Въ срединѣ выказывается изъ-подъ земли маленькій остатокъ стѣны, складенной изъ тесанныхъ камней одинаковаго качества съ тѣми, изъ которыхъ построена Раиѣская крѣпость. Этотъ монастырь разрушенъ былъ, по приказанію Египетскаго Султана Мелекъ-Дагера — Ел-Хакема, клеветомъ его Гагіатіемъ въ самомъ началѣ одиннадцатаго вѣка. Нынѣ на мѣстѣ его Раиѣскіе христіане погребаютъ своихъ мертвецовъ. Подлѣ ихъ кладбища находятся могилы Бедуиновъ. На каждой изъ нихъ поставленъ горшокъ. Суевѣріе иногда наполняетъ этотъ сосудъ водою для покойниковъ, дабы ихъ не мучила жажда. Стало быть, по понятію Бедуиновъ, души умершихъ скитаются на землѣ.

Напротивъ развалинъ монастыря, по пути къ Раиѣ, находится садъ одного христіанина, и въ немъ—церквица во имя св. Екатерины. Мы пошли туда и осмотрѣли это святилище, устроенное во время буйнаго перехода Египетскихъ солдатъ въ Мекку для смиренія Вехабитовъ. Въ немъ уже не совершается Богослуженіе. Однако престолъ и деревянный иконостасъ, или точнѣе, пергородка безъ образовъ, стоятъ на своихъ мѣ-

стахъ. Въ алтарѣ мы нашли нѣсколько Арабскихъ Богослужебныхъ книгъ. Всѣ онѣ очень ветхи и испачканы. У входа въ эту церквичу, (*) уменьшенную паче всѣхъ христіанскихъ святилищъ, растутъ восемь финичій на одномъ корнѣ. Любуясь этими братьями, я вспомнилъ огромный платанъ Буюкдерскій въ Царѣградѣ, который слыветъ подь именемъ Сарандадѣльїя, т. е. сорока братьевъ. Хозяинъ сада показалъ намъ свои овощи, свой колодезь съ соленоватою водою, и единственную на всемъ Синайскомъ полуостровѣ пальму, называемую Думъ, которая даетъ плодъ въ видѣ продолговатаго яблока, кофейнаго цвѣта. Но вкусъ его не яблочный и не финиковый, а какой-то особенный. Когда счистишь съ него тонкую кожу: видишь какъ бы ржанный хлѣбъ нашъ съ скважинками. Этотъ плодъ пріятенъ и питателенъ. На память я взялъ три Дума и храню ихъ, какъ рѣдкость.

Возвратившись въ Раиоу, мы провели остальную часть дня, отдыхая. Одинъ Грекъ продавалъ мнѣ какой-то драгоценный камень, добытый имъ въ красномъ морѣ. Сей камень малъ, тонокъ и ровень. Округлость его удлинена съ обоихъ

(*) Смотри видъ ея на листѣ 62.

концовъ. Онъ блеститъ такъ ярко, что можно было бы видѣть его въ самой темной комнатѣ. Блескъ его походитъ на сіяніе золотистаго топаза. Я торговцу давалъ за него три рубля серебромъ; а онъ требовалъ въ десять разъ болѣе. Покупка не состоялась. Однако теперь я крѣпко жалѣю о томъ, что не приобрѣлъ сей рѣдкости, которая могла бы составить наилучшее украшеніе вѣнца на иконѣ, или крестѣ. Бѣдность не порокъ, но и несовершенство. Она весьма не любя Наука, потому что лишаетъ ее стяжанія рѣдкостей природы, сотворенныхъ Богомъ на пользу и украшеніе человѣка (*).

(*) Страбонъ въ 16 книгѣ своей Географіи упомянулъ, что въ Черномъ морѣ, недалеко отъ города Вереники, находится островъ змійный, и что Египетскіе цари содержали тамъ множество людей искусныхъ въ добываніи мѣстныхъ топазовъ. По словамъ его, этотъ камень прозраченъ, златовиденъ и блеститъ весьма ярко. Днемъ нельзя примѣтить ядра его въ водѣ при разливѣ въ ней солнечнаго свѣта. Оно видно только ночью. Тогда занимающіеся добываніемъ топазовъ опускаютъ на нихъ сосудцы ради знака, и днемъ вытаскиваютъ ихъ. Въ бытность свою въ Раиоу я не зналъ этого сказанія Страбона. Прочитавъ же его въ послѣдствіи, я теперь понимаю, что Раиоскій грекъ продавалъ мнѣ Черноморскій топазъ той породы, какая описана этимъ Географомъ. Любопытно бы знать, въ какомъ мѣстѣ Чермнаго моря онъ досталъ его и такимъ ли способомъ, какой означенъ у Страбона; но что съ во- за упало, то пропало.